

К вопросу об отношении к юродивым в монастырях Ярославской епархии (XIX – начало XX века)

В.В. Денисов

Коренные преобразования Русской Православной Церкви в синодальный период привели к существенным изменениям условий деятельности монастырей. Церковь потеряла былую самостоятельность и стала фактически одним из органов государственной власти. Это привело к бюрократизации механизмов управления церковными институтами и усилению контроля за религиозной жизнью населения России. В конечном итоге, государственная власть стремилась обеспечить не только политическую благонадежность простых обывателей, но и самих церковных институтов.

В соответствии с новыми государственными задачами в синодальный период существенно изменились социальные функции монастырей РПЦ. Деканонизация «неблагонадежных» святых, фактический запрет местного почитания, усиление контроля за ересями и суевериями повысили значение надзорных функций обителей. В исследовании рассматривается проблема отношения настоятелей и братии монастырей Ярославской епархии к юродивым в XIX – начале XX в. Выбор темы обосновывается наличием на территории региона наиболее значительных обителей РПЦ, осуществлявших социокультурную деятельность.

Государственную политику, проводившуюся в синодальный период, можно условно разделить на два этапа, несколько отличавшихся по своему содержанию. Для первого этапа, охватившего весь XVIII в., были характерны многочисленные, глубокие, но не всегда последовательные преобразования церковной жизни, всеобщее недоверие светской власти к институтам РПЦ. Государство требовало от монастырей жестких мер, направленных на преследование и полное искоренение ересей и суеверий, что получило отражение в документах того времени.

Так в мае 1722 г. из Святейшего Синода поступил указ, в котором говорилось, «...что и в других многих местах по градским соборным церквям и монастырям обретаются такие гробницы прочии, которые над необретенными почитаемых в церквях тех телесами поставлены и ради токмо о воспоминании их праздны с накрытием от должных, но в тайне содержалися, а имянно положены во оных вместо телес разные колоды, которые и покрыты покровами»¹. Властями было предписано, отобрав их от гробниц, прислать в Синод неотложно.

¹ УФ ГАЯО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 87-87 об.

Указом императрицы Анны Иоанновны от 14 ноября 1737 г. «...велено было иметь всемерное и испытное наблюдение и смотрение, не делаются ли где какие суеверства, а именно, не проявляет ли кто для скверноприбыточества каких при колодезях и источниках, и при иконах святых ложных чудес, и мертвых несвидетельствованных телес, не разглашает ли кто к почитанию их за мощи святых, не являются ли где кликуши и притворно юродцы, и босые с колтунами и о прочем»². Настоятели обителей обязывались незамедлительно доносить о таких людях в Синод. Весьма любопытно, что под подозрение столичных властей попали многие ранее канонизированные святые. Так, на рассмотрение Синода были затребованы материалы о преподобном Паисии Угличском, доказывающие законность причисления его к лику святых.

На втором этапе, включившем в себя XIX – начало XX в., государственная политика в отношении церкви приобрела более последовательный и предсказуемый характер. К концу периода возобновились канонизации общероссийских святых, было разрешено церковное почитание на местном уровне. Политика в отношении инакомыслящих граждан была несколько смягчена, изменились способы воздействия на них, вместо процедуры преследования чаще стали применяться методы убеждения. Однако задачи выявления ересей и суеверий по-прежнему занимали существенное место в деятельности монастырей РПЦ.

Так, 12 января 1816 г. в Ярославскую духовную консисторию был послан рапорт настоятеля одного из угличских монастырей о том, что «во второй половине истекшего года суеверий никаких не оказалось...»³. В августе 1816 г. в обители из Синода поступил указ, запрещавший «...говорить проповеди своего сочинения без одобрения цензора»⁴. По некоторым вопросам, например, при выявлении кликушества, монастырские власти были обязаны доносить в местную полицию. Следует отметить, что на этом этапе мероприятия по борьбе с кликушами и юродивыми носили практически повсеместно формальный характер, а доклады настоятеля по данному вопросу превратились в устойчивую бюрократическую процедуру.

В рамках исследования несомненный интерес представляют фигуры двух известных угличских юродивых: Петра Алексеевича Васильева (Томаницкого, Иерусалимского) и Василиска Макаровича. Изучение этих персонажей в рамках общей темы представляется обоснованным, поскольку они жили в одну историческую эпоху, на одной территории, являлись членами одного социума. Это обстоятельство позволяет выявить некоторое сходство в биографических сведениях о них, сохранившихся до наших дней.

² К истории празднования памяти преподобного Паисия Угличского// ЯЕВ. 1893. ч. н. № 12.

³ УФ ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2 об.

Петр Алексеевич Васильев (известен также как Томаницкий или Иерусалимский) родился в местечке Якимковский погост, Угличского уезда, Ярославской губернии и был старшим сыном сельского дьячка Алексея Васильевича. Год его рождения точно неизвестен, но в духовные росписи впервые внесен в двухлетнем возрасте в 1784 г. Один из биографов Петра Ф. Морев считал, что тот родился 5 июня 1781 года⁵. Обучением мальчика занимался дед – сельский священник Василий Петрович. Петр имел хорошие способности и был зачислен в духовную школу, несмотря на отсутствие метрического свидетельства. Вероятно, именно тогда он и получил фамилию Томаницкий.

Еще в первых классах семинарии ученик Петр Томаницкий был взят в хор певчих, где проявил музыкальные способности и хороший голос (бас). Впоследствии он получил назначение регентом второго архиерейского хора и инспектором над малолетними певчими. После окончания семинарии Петр был определен священником в угличскую Входоиерусалимскую церковь, куда и прибыл 5 апреля 1807 г. Первые годы его жизни в приходе были посвящены чтению священных книг, частому богослужению, ревностному исполнению приходских треб. Однако 15 февраля 1814 г. он был лишен сана и уволен от должности по причине тяжелого психического заболевания.

Роста о. Петр был высокого, с белой головой и бородой. Носил белый холщовый халат, а для гостей и в церковь надевал подрясник. Дома жил как гость, пищу принимал, какую подадут. По улице ходил летом и зимой в одной рубашке, и только в самые сильные морозы надевал тулуп. Постоянным местом его пребывания был примосточек у русской печи, где он часто спал с дровами в изголовье.

Последние сорок лет (1826-1866) в жизни о. Петра произошли значительные изменения. Он продолжал юродствовать, но перестал обличать людей, а начал относиться к ним как больным или детям, и мягкими мерами старался исправлять немощи и пороки. Свои советы приходящим к нему о. Петр давал оригинальным образом – знаками, вещичками, которые делал собственными руками. После смерти от холеры своей престарелой супруги в 1848 г. он с еще большим рвением продолжал свою деятельность. Известность его все более и более росла.

В самые последние годы жизни о. Петр взял на себя труд духовного руководства женской общиной, желавшей основать монастырь. Он не смог отказать сестрам, явившимся к нему по завещанию умершего о. Адриана, иеромонаха Югской Дорофеевой пустыни, и благословил общину переселиться из Мологи в Рыбинск. После нескольких лет сбора пожертвований появилась возможность приступить к обустройству обители. В 1860 г. был основан рыбинский Софийский монастырь, в котором старец и пожелал найти упокоение. Первым храмом, возведенным на его территории, стал собор во имя Софии, Премудрости Божией.

⁵ Морев Ф. Прозорливый старец отец Петр Алексеевич Томаницкий // ЯЕВ. 1881. № 51.

П.А. Томаницкий скончался 3 сентября 1866 г. в половине 12 дня. Прощание с о. Петром в Угличе продолжалось 6 дней. На 7 день началось перенесение его тела в Рыбинск. После торжественной церемонии в монастырском Софийском соборе, на которой выступил знаменитый проповедник протоиерей Родион Путятин, старец был погребен там же, в специально устроенном притворе, с правой стороны, в склепе. После смерти о. Петра в Софийском монастыре продолжалось активное строительство. В нем появилось несколько новых храмов, больница и богадельня для больных и престарелых сестер монастыря. Содержался монастырь на средства многочисленных жертвователей, считавших своим долгом оказать поддержку обители, в которой упокоился П.А. Томаницкий.

Другой юродивый, Василиск Макарович, родился 2 мая 1790 г. в деревне Конишкиной села Рылова Калязинского уезда Тверской губернии. Родители его простые люди Макарий и Евфимия. Кроме него в семье были еще две сестры и брат. Только в первые годы жизни Василиск был здоров. В трехлетнем возрасте он впал в расслабление и пролежал без движения 12 лет. На 15 жизни году Василиск почувствовал улучшение, окреп и стал учиться грамоте, к которой проявил хорошие способности. Он регулярно читал Священное Писание и весьма хорошо изучил его, благодаря необыкновенной памяти.

В 22 года Василиск, ощущая свою физическую слабость и не желая оставаться на хлебником в семье, покинул родительский дом и переселился в село Заозерье Угличского уезда. Здесь он в течение трех лет преподавал грамоту местным детям, зарабатывая себе на жизнь. В 1815 г. Василиск удаляется из села Заозерья и, притворившись немым, ведет скитальческую жизнь, переполненную лишений и страданий. Проходя в день не более пяти верст, и не имея сил дойти до какого-нибудь селения, он часто ночевал в лесу или в поле. В таком странствии Василиск провел семь лет, пока, наконец, достиг города Костромы. Здесь он сложил с себя обет казаться немым и поселился в пещере вместе с двумя другими пустынноиками. Василиск возложил на себя тяжелые вериги, власяницу и пояс с острыми шпильками. В таком одеянии он проводил дни и ночи в молитве, оставляя немного времени для сна после полуночи. После того, как полиция разогнала отшельников, Василиска на три года приютил в своей бане один боголюбивый костромич. Однако уединение подвижника начало нарушаться многочисленными посетителями, которым он помогал советами и лечением. Избегая людской славы, Василиск отправился в Старо-Ладожский монастырь, где провел в уединенной келье семь лет. Затем восемь лет он провел при Николаевской часовне в Санкт-Петербурге, содействуя ее лучшему украшению и устройству.

Постепенно жизнь в столице стала тяготить Василиска, он стал просить Господа указать уединенное место. Таким местом оказался Углич. Сначала старец поселился в доме одного богатого купца, а затем переехал в специально устроенную келью в бору около храма Архистратига

Михаила. Здесь он провел оставшиеся годы жизни. Место так понравилось подвижнику, что он отказался от предложения игумена Югской обители Варсонофия переселиться к нему в монастырь. Старец заботился не только о храме, рядом с которым жил, но и об окрестных сельских церквях. Многие из них были завершены и украшены на собранные им в разных городах деньги. В свободное от сборов пожертвований время Василиск занимался обучением крестьянских детей. Когда к нему приходили странники и богомольцы, он беседовал, читал, молился с ними, давал им советы. Особенное попечение имел о больных и бесноватых, которые оставлялись у него на неделю, после чего излечивались совсем или же их самочувствие улучшалось. Обладая даром прозорливости, старец предсказывал будущее, наставлял на правильный путь многих заблудших людей, пытался излечивать больных и бесноватых.

По воспоминаниям некоторых знавших его людей, Василиск был сгорбленным старцем, одетым в подрясник с кожаным поясом, на голове он носил черную шапочку, а в руках держал четки. Воздержание в пище и питии также строго исполнялось им. Он выписывал из книг душеполезные изречения святых отцов и составил большую тетрадь трудов своих: обличение самому себе и исповедь. Во время церковных богослужений старец ходил на костылях в храм. За три года до кончины Василиск пожелал, чтобы у него читалась постоянная псалтирь заздравная и заукойная. Последние два года он совершенно ослеп и ослаб. В декабре 1862 г. старец, почувствовав улучшение, совершил паломничество в Кашин. Скончался он 8 марта 1863 г. в шесть часов вечера. Был погребен 10 марта в могиле у алтаря церкви Михаила Архангела.

Анализ выявленных биографических материалов позволяет сделать некоторые выводы об отношении к угличским юродивым П.А. Томаницкому и Василиску Макаровичу в монастырях Ярославской епархии в исследованный период. Сопоставление двух независимых письменных источников по одной теме дает возможность получить более объективные результаты. Наличие нескольких аналогичных примеров, заимствованных в биографиях разных персонажей, исключает возможность случайности.

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о совпадении некоторых черт биографий угличских юродивых. Оба этих человека в молодые годы пережили весьма длительные периоды болезненного состояния, однако, если о. Петр Томаницкий страдал психическим расстройством, то Василиск Макарович – физической немочью. Наличие тяжелого заболевания изначально выделяло этих людей из существующего сообщества и не позволяло им жить жизнью обычного человека. Тяжелые страдания в РПЦ всегда рассматривались как один из возможных путей движения человека к святости. Поэтому любой страдающий подвижник православной веры в исследуемый период мог рассматриваться в массовом сознании на предмет соответствия требованиям святости. Российское общество, если не с симпатией, то, по крайней мере, с сочувствием относилось к ним.

Следует обратить внимание на формальное отношение епархиальных и монастырских властей к выполнению обязанностей по борьбе с расколом и ересями. В исследуемый период, хотя и в меньшем количестве, из Синода продолжали поступать указы о недопущении в церковных учреждениях кликуш и юродивых. Одновременно Синод не только допускал почитание П.А. Томаницкого в подведомственных монастырях, но и давал разрешение на открытие новых обителей. В литературе упоминается лишь один случай, когда угличские власти подозревали и преследовали руководимую им женскую общину как «собрание раскольников». Аналогичным образом дело обстояло с Василиском Макаровичем, который только однажды подвергся гонениям со стороны костромской полиции.

В начале своей деятельности по причине тяжелого психического заболевания П.А. Томаницкий был уволен от исполнения обязанностей приходского священника. Некоторое улучшение состояния его здоровья не повлияло коренным образом на ситуацию и не позволило ему в дальнейшем жить полноценной жизнью. В то же время настоятели и братия монастырей оказывали ему почести как духовному лицу. После смерти старца гражданские и церковные власти были вынуждены дать разрешение на перенос тела старца из Углича в Рыбинск. Покойный был облачен в священническую одежду, в отпевании участвовали два архимандрита, игумен и все угличское монашество. Василиск Макарович не был священнослужителем, однако долгое время проживал при монастырях и храмах Костромской и Санкт-Петербургской епархий. В Ярославскую епархию он был приглашен игуменом Югской Дорофеевой пустыни. Это свидетельствует о тесных связях и хороших отношениях юродивого с настоятелями монастырей.

Оба юродивых не были высоко образованными людьми своего времени. П.А. Томаницкий смог закончить духовную семинарию и некоторое время занимался изучением церковных книг. После болезни, по сообщениям лиц, близко знавших его, юродивый ничего не читал, не писал. Общаясь с собеседниками, он пытался убедить их не словами, а намеками или дарением каких-либо вещиц. Василиск получил начальное образование и неплохо знал священное писание. Однако под влиянием угличских юродивых находились настоятели и братия многих монастырей, относившиеся к числу наиболее культурных людей своего времени.

Некоторые из высоко образованных почитателей угличских старцев оставили о них свои сочинения, напоминающие формой и содержанием «житийную» литературу. Так, Александр Матвеевич Бухарев, известный церковный деятель и преподаватель Московской духовной академии, находясь в Угличе, познакомился с П.А. Томаницким. Позднее он написал книгу, в которой изложил свои воспоминания о встречах со старцем. Именно «...под влиянием Томаницкого сформировалась мистико-

пророческая направленность творчества...» А.М. Бухарева⁶. Свои труды о П.А. Томаницком оставили иеромонах угличского Покровского монастыря Ювеналий (в миру Иоанн Раменский)⁷, священник рыбинского Софийского монастыря П.Семеновский и другие. Несколько аналогичных сочинений были посвящены и юродивому Василиску. Статья о нем опубликована в журнале «Душеполезное чтение»⁸, труд С.И. Никона вышел отдельной брошюрой⁹ и другие¹⁰.

Достаточное распространение в народе получили живописные портреты П.А. Томаницкого и Василиска Макаровича, написанные маслом, которые служили важнейшими «иконографическими» источниками и, вероятно, могли выступать в качестве объекта религиозного поклонения.

Исследование показало, что в XIX-начале XX вв. монастыри Ярославской епархии продолжали выполнять функции по борьбе с ересями и суевериями. Однако, несмотря на существующие запреты, в них происходило активное почитание угличских старцев П.А. Томаницкого и Василиска Макаровича как Христа ради юродивых. Вероятнее всего, данный факт можно объяснить глубокими противоречиями, существовавшими в тот период, как в государственной политике, так и в общественном сознании.

⁶ Бухарев А.М. / Православная энциклопедия. Т. IV. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 398.

⁷ Ювеналий (Раменский), иером. Подвижник отец Петр Иерусалимской слободы. Углич: УИХМ, 1995. С. 23-43.

⁸ Подвижник старец Василиск // Душеполезное чтение. 1892. № 6.

⁹ Никон С.И. Подвижник старец Василиск. М., 1892.

¹⁰ Подвижник старец Василиск. Ярославль, 1991; Василиск/ Православная энциклопедия. Т. VII. ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 398.